Р. М. ЛАЗАРЧУК

ИЗ ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА (Вологодский публичный театр конца XVIII—начала XIX в.)

Вологодский театр XVIII в. еще ждет своего историка. Несколько эпизодов — вот все, что нам известно из театральной жизни этого провинциального города. Реконструкция одного из них была предпринята нами[1] на основе «Собрания стихов, сочиненных во время бытности в Вологде его высокопревосходительства г. г‹енерал›-г‹убернатора› А. П. М‹ельгунова›, на разные случаи»,[2] в составе которого одиннадцать стихотворных откликов на спектакли, поставленные в конце декабря 1786—январе 1787 г. Новые архивные материалы позволяют уточнить: торжественное для губернского города событие произошло не позднее 23 декабря 1786 г.[3] и не ранее 13-го, [4] однако и не позднее 17 января 1787 г. Благодаря своеобразному театральному «дневнику» неизвестного вологжанина установлен репертуар театра — десять пьес ‹...› комические оперы, комедии, лирическая драма. Наконец, обследование формулярных списков вологодских чиновников помогло «найти» одного из актеров (в стихах он назван только по фамилии), восстановить отдельные моменты его биографии и служебной деятельности. В постановке

---

1 *Лазарчук Р. М.* Из истории провинциального театра:(театральная жизнь Вологды 1780-х гг.) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 52—69. (XVIII в. Сб. 15).

2 ГПБ, ф. 487, собр. Н. М. Михайловского, ед. хр. 464.

3 Дата на письме А. П. Мельгунова из Вологды в Ярославль (Государственный архив Ярославской области (далее: ГАЯО), ф. 72, оп. 2, ед. хр. 895, л.4).

4 См. донесение А. П. Мельгунова, отправленное из Вологды 13 января 1787 г. (ЦГАДА, ф. 16, р. XVI, ед. хр. 1012, ч. 2, л. 128).

© Р. М. Лазарчук, 1993

лирической драмы М.-Ж. Седена (музыка П.-А. Монсиньи) «Дезертер» был занят протоколист Вологодского губернского магистрата Петр Иванович Горский.[5]

Дальнейшие разыскания показали, что не всем этим документам можно верить и что в «деле» П. И. Горского, таком простом на первый взгляд, немало загадок и противоречий. Числясь в штате Вологодского наместнического правления, П. И. Горский, как было установлено, с самого начала своей служебной деятельности, т. е. с апреля 1783 г., находился в Ярославле для «исправления дел» при канцелярии Мельгунова.[6] Бывал ли он в Вологде до 1786 г., неясно. Во всяком случае даже такой важный акт, как приведение Горского к присяге по случаю награждения чином коллежского регистратора, не потребовал его присутствия в Вологде, а превратился в формальность: подписанный в Ярославле присяжной лист Горского был возвращен в Вологодское наместническое правление уже после того, как оно «отрапортовало правительствующему Сенату».[7] Совершенно по-иному освещают документы, хранящиеся в ГАЯО, и самое «возвращение» П. И. Горского в Вологду. «Высылке» этого чиновника из Ярославля предшествовала ... просьба П. Ф. Мезенцева. Чем объяснить внезапно вспыхнувший интерес вологодского губернатора к судьбам «находившихся при канцелярии» Мельгунова «Вологодского наместнического правления регистратора Лобанова[8], гражданской палаты канцеляриста Авдеева и губернского магистрата протоколиста Горского» и поспешность, с которой 19 июля 1788 г., спустя 2 недели после смерти генерал-губернатора, он потребовал «ныне же ‹...› выслать» этих чиновников к «настоящим из должностям»[9]? А уклончивый ответ из Ярославля, в котором имя Горского вообще не упоминается и решение дела откладывается до «прибытия его высокопревосходительства» Е. П. Кашкина?.. Почему со смертью Мельгунова тотчас отпала необходимость в дальнейшем пребывании Горского в Ярославле? И как следует понимать фразу из письма П. Ф. Мезенцева: «Не уповаю я, чтобы была *прямая надобность остаться более* (подчеркнуто мною. — *Р. Л.*) при той канцеля-

---

5 *Лазарчук Р. М.* Из истории провинциального театра. С. 64—66.

6 ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 227, л. 1. (О назначении коллежским регистратором студента Московского университета П. Горского).

7 Там же, л. 4.

8 Вот несколько штрихов к его характеристике: Петр Васильевич Лобанов, «определенный из обучающихся в Академии художеств, а потом в ‹...› Сухопутном кадетском корпусе».. При выпуске из корпуса награжден медалью (ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 746, л. 447).

9 ГАЯО, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 1462, л. 1.

рии».[10] Почему новый генерал-губернатор Е. П. Кашкин удовлетворил просьбу П. Ф. Мезенцева? Вопросы... вопросы... вопросы...

Столь же неожиданными оказались результаты творческих исканий другого актера, занятого в постановке лирической драмы М.-Ж. Седена (музыка П.-А. Монсиньи) «Дезертер» (или «Беглец») и удостоенного похвального отзыва неизвестного сочинителя:

О вы, прекрасные театра игроки!

.....

Ты, Саблин! подражал несвойственной природе.[11]

Если это Иван Алексеевич Саблин, как мы предполагаем, то и он ярославец. В отличие от «сержантского сына» П. И. Горского, Саблин — дворянин, женат на «дворянской дочери» Катерине Федоровне Омельяновой. Он небогат. У него 5 дворовых и «в общем владении с братом Олонецкой губернии Лодейнопольского уезда ‹...› в деревнях ‹...› 12 душ».[12] Впрочем, по данным ЦГАДА, «свидетельства» о своем «дворянстве» в Герольдмейстерскую контору И. А. Саблин не представлял.[13] Он начал службу с декабря 1774 г. учеником геодезии в Ярославском экономическом правлении. В 1778 г. Саблин — уже геодезист, коллежский регистратор; еще через год — «экономический казначей». С сентября 1780 г. жил в Вологде, куда был определен «на механическую ваканцию», с которой был уволен 20 августа 1786 г. «в должности землемера». Следовательно, в конце декабря 1786—начале января 1787 г., когда на вологодской сцене было поставлено десять пьес, 27-летний Иван Саблин служил частным приставом в Ярославской управе благочиния. Спустя год он — «директорский товарищ» в Ярославской конторе Государственного ассигнационного банка. Осенью 1790 г. Саблин возвращается в Вологду уже в качестве стряпчего уголовных дел Вологодского верхнего земского суда[14]: на эту должность «находящийся не у дел» коллежский секретарь назначен по ходатайству генерал-губернатора Кашкина.[15] По-видимому, дальнейшая его судьба

---

10 Там же.

11 ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 5 об., 6.

12 См. формулярный список И. А. Саблина за 1792 г. (ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1721, л. 43 об., 44.

13 ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 854, л. 839 об.

14 Там же, л. 825 (формулярный список И. А. Саблина, составленный в 1794 г.).

15 Там же, ф. 2861, оп. 1, кн. 786, л. 525.

связана с Вологдой. В 1795 г. он числится в казенной палате Вологодского наместничества.[16] Что-то не сложилось и здесь ... Спустя 10 лет мы видим его на прежнем месте — в уголовном суде; теперь он заседатель, имеет чин коллежского асессора.[17] Несмотря на «похвальные аттестаты», «благородное поведение»[18] и благосклонность генерал-губернаторов, служебной карьеры И. А. Саблин не сделал, так же как и его партнер в спектакле по пьесе Седена П. И. Горский. Смена службы, переезды, порой совершенно непонятные ... Что гонит его, геодезиста и землемера, из Вологды в Ярославль на должность ... частного пристава, а потом тянет назад, в Вологду? Метания, неустроенность ... Насколько они связаны с артистическим даром того, чья игра могла заставить трепетать и плакать («Вы слезы действием из глаз моих тащили ...).[19] Вряд ли когда-нибудь мы узнаем об этой чужой и такой далекой жизни еще хоть что-нибудь помимо формулярного списка. Одно несомненно: «прекрасные театра игроки» — Горский и Саблин — ярославцы. Но тогда не связаны ли театральные постановки, описанные в «Собрании стихов», с очередными гастролями и в таком случае правомерна ли вообще постановка вопроса о вологодском театре?

Все эти загадки в какой-то мере проясняет документ, обнаруженный в фондах ГАЯО, — «Дело о занятии генерал-губернаторского дома в г. Вологде под театр. Начато 30 июля 1787 г. Окончено 18 августа 1787 г.» 28 июля 1787 г. (со времени известных нам театральных представлений в конце декабря 1786—первой половине января 1787 г. прошло всего полгода) вологодский губернатор Мезенцев сообщает Мельгунову о «желании благородного общества» открыть в Вологде «публичный театр» и о намерении «собрать» нужную («довольную») сумму денег для строительства театрального здания. В письме содержится просьба разрешить «на первый случай (т. е. до постройки нового театра. — *Р. Л.*) начало театральных представлений в сооруженном в доме вашего превосходительства театре».[20] Мельгунов не только отвечает согласием, но и предписывает Иванову (из документов видно, что Трофим Степанович Иванов, председатель Вологодского губернского магистрата, осуществлял

---

16 Там же, ф. 286, оп. 1, кн. 852, л. 496; Месяцеслов с росписью чиновных особ ‹...› на лето ‹...› 1796. С. 263.

17 Месяцеслов с росписью чиновных особ ‹...› на лето ‹...› 1804. С. 34. Месяцеслов с росписью чиновных особ ‹...› на лето ‹...› 1805. С. 60.

18 ЦГАДА, ф. 2861, оп. 1, кн. 786, л. 525.

19 ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 6.

20 ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1382, л. 1.

надзор за строительством генерал-губернаторского дома)[21] «отдать» «вещи», какие есть в театре ‹...› по описи».[22] Именно этим и объясняется столь неделикатная по отношению к памяти Мельгунова настойчивость, с которой Мезенцев потребовал возвращения Горского в Вологду: губернатор хотел заполучить для театра хорошего актера.

На сцене вологодского публичного театра играли «приказные чины»,[23] они же, скорее всего, были основными участниками спектаклей, состоявшихся зимой 1786—1787 гг. Ярославцев было немного, и именно потому они удостоились высокой чести быть названными поименно: Александр Зюзин, Горский, Саблин, Екатерина Мельгунова. Одобренные и ободренные Дмитревским, они решились выступить на вологодской сцене в роли, отчасти напоминающей культурную миссию великого актера, совсем недавно, 30 апреля 1786 г., осчастливившего Ярославль своим участием в постановке «Синава и Трувора». Думается, что акция такого рода осуществлялась не впервые. Н. Титов сообщает любопытные подробности о театральных постановках по случаю открытия Вологодского наместничества в 1780 г.: «Говорят, что для этого приезжали сюда актеры из Ярославля, что они выбирали и здесь способных для сцены людей; что на этом театре была поставлена волшебная опера, или балет, „Русалка". Если это справедливо ‹...›»[24] Осторожность, оговорки совершенно естественны: ведь прошло более 80 лет... Но то, что в середине XIX в. могло восприниматься только как предание, теперь, когда найдены документы, подтверждающие «шефство» ярославского театра над вологодским, может рассматриваться как реальный факт.

Нет сомнений, что зимой 1786—1787 гг. актеры выступали на сцене театра, устроенного в генерал-губернаторском доме. Только так можно и нужно толковать стихи:

О новый наш театр! колико ты блажен!
Ты мужем каковым в сем месте соружен!
И лица каковы тебя днесь открывают,
Какие ж зрители здесь быть удостояют!

---

21 Там же, оп. 1, ед. хр. 583, д. 11.

22 Там же, оп. 2, ед. хр. 1382, л. 3.

23 «Людей из приказных чинов для такого представления охотно способных оказалось уже довольно и которые со временем обещают лучшие в том успехи и совершенства»,— пишет П. Ф. Мезенцев (ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1382, л. 1).

24 *Т‹итов›* Н. Заметки о бывших в Вологде театрах // Вологодские губернские ведомости, Часть неофиц. 1853. № 44. С. 385.

Нет ни единого, кто б тщетен был похвал.
Правитель твой тебе сие блаженство дал.[25]

Письмо П. Ф. Мезенцева А. П. Мельгунову возвращает этим строчкам — и одновременно названию цитированного стихотворения: «На открытие ж и первую оперу» — совершенно конкретный, буквальный смысл: речь идет не только о спектаклях, но и о *здании*, о театре, «сооруженном», «воздвигнутом в странах, лежащих к полуночи».[26] Открытие его было приурочено к торжествам по случаю назначения А. П. Мельгунова вологодским генерал-губернатором на «новое трехлетье». Таким образом, благодаря архивным материалам становится известен самый факт существования в доме наместника театральной залы, а наш сюжет невольно переключается в иную область.

В литературе об архитектуре Вологды история генерал-губернаторского дома освещается — и не без оснований — чрезвычайно лаконично. По свидетельству М. В. Фехнер, автора самой интересной и документированной монографии о Вологде, хранящиеся в ЦГИА графические материалы (Дом генерал-губернатора. Чертеж по натуре и план второго этажа) относятся к 1798-1806 гг.[27] Они составлены вологодским губернским архитектором Александром Соколовым уже после того, как «новопостроенный генерал-губернаторский дом, стоящий ныне праздно»,[28] был приспособлен под здание присутственных мест. Пожар 1831 г. превратил дом в развалины. Спустя сорок лет он подвергся основательной перестройке: уменьшен по длине, надстроен на один этаж. В архитектурном облике здания на углу набережной Кедрова и ул. Калинина (теперь здесь размещается школа № 1) от прежнего генерал-губернаторского дома остались отдельные фрагменты: декоративные филенки между рядами окон первого и второго этажа и обработка нижнего этажа угловой ротонды. В определении архитектурного стиля особняка нет единства. По мнению М. В. Фехнер, в «пластической трактовке и декоративной насыщенности фасада еще чувствуются отзвуки барокко».[29] Те же элементы декора Г. Бочаров и В. Выголов рассматривают уже как раннеклассицистические.[30]

---

25 ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 3 об.

26 Там же.

27 См. об этом: *Фехнер М. В.* Вологда. М., 1958. С. 102.

28 Государственный архив Вологодской области (далее: ГАВО), ф. 18, кор. 1, ед. хр. 3, л. 1 [О достройке губернаторского дома под присутственные места].

29 *Фехнер М. В.* Вологда. С. 102.

30 *Бочаров Г., Выголов В.* Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. М., 1979. С. 97.

Исследователей архитектуры старой Вологды несомненно заинтересуют два дела из собрания Государственного архива Ярославской области. Первое (на 250 л.) датировано 1780—1787 гг. и связано со строительством генерал-губернаторского дома; второе — о капитальном ремонте — относится к 1788—1791 гг. и включает 131 л. Мы найдем в этих документах имена подрядчиков и мастеровых — плотников, маляров, резчиков; разыщем сведения о ходе строительных работ, характере используемых материалов и денежных расходах. Они помогут представить анфиладу парадных залов и даже увидеть — так подробно и зримо ее описание — тронную во всем великолепии золота, мрамора, бархата: на «потолке среди залы представлено чистейшее небо»; «Против портрета ее величества на другой стене на мраморном бюсте турецкие поверженные трофеи, а вверху, в рамах, две трубы, венец и две ветви, сплетенные, лавровая и масличная»; «На той же стене, по другую сторону дверей, эмблема в рамах с гирляндами на открытие наместничества»; «Над четырьмя дверями в супортах гербы двенадцати городов Вологодской губернии, обвешанные гирляндами и окружающие двумя ветми, пальмовой и лавровой представляющие увенчанные спокойствием». В нишах, между мраморных колонн, под оркестром, три статуи на бюстах: Минерва, Фемида, Филантропия ...[31]

Описания театра нет. Реконструкция его архитектурного облика и интерьера осложняется тем, что в описаниях (их два) учтены лишь «мебель и прочий убор». План, фасад генерал-губернаторского дома, смета, составленные ярославским губернским архитектором И. М. Левенгагеном, естественно, отправлены в Вологду.[32] Надежд на их обнаружение нет. Все графические материалы, хранившиеся в Государственном архиве Вологодской области, погибли во время пожара 1920 г. Вот почему мы решаемся на реконструкцию, заранее представляя, сколь несовершенным и неполным окажется подготовленное нами описание.

Определить местонахождение театра в анфиладе парадных залов второго этажа непросто. Судя по описи в деле о строительстве генерал-губернаторского дома (1780—1787 гг.), театр располагался между большим кабинетом и официантской. Это было четвертое по порядку помещение: тронная, аудиенц-камора, большой кабинет, театр ...[33] Однако в описи, составленной 7 февраля 1789 г., театр назван уже предпоследним (между буфетом и парадным крыль-

---

31 См.: ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 583, л. 145, 145 об. (О генерал-губернаторском доме в г. Вологде. 31 августа 1780—29 октября 1787 гг.).

32 Там же, л. 61.

33 Там же, л. 232—233.

цом).[34] Доверившись этому документу, мы принуждены будем признать, что в период с 29 октября 1787 г. до 7 февраля 1789 г. дом подвергся перестройке, результатом которой стало перенесение театра в другой конец здания. Такое предположение должно быть отвергнуто сразу: ведь порядок следования всех остальных помещений в обеих описях совершенно совпадает. Из документов видно, что строительство генерал-губернаторского дома закончилось уже к весне 1783 г.,[35] а отделочные работы и «убранство» дворца мебелью и зеркалами продолжалось до конца апреля 1786 г. Думается, что расхождение описей в этом единственном случае объясняется либо небрежностью, допущенной писарем и исправленной в конце работы, либо колебаниями составителей: ведь к 1789 г. находящееся в театре имущество фактически принадлежало «обществу».

Каменный генерал-губернаторский дом, сооруженный на старом подворье Соловецкого монастыря, представлял собой здание «о двух этажах ‹...› нижний со сводами, а верхний этаж с накатными потолками и полами».[36] Длина дома «по лицевой стороне» на 41, «поперешнику» на 10 «сажен» (т. е. соответственно — 87,33 м и 21,3 м), «вышиною ‹...› в 16 аршинах» (11,36 м). Как соотносятся эти объемы с пространством театра, сказать трудно. О размерах театрального зала можно судить лишь по некоторым косвенным деталям: помещение отапливалось двумя печами, имело «пять окончин летних» и три двери. Представление о композиции театра отчасти дает описание лож. Они располагались в три яруса. Сначала шли «нижние ложи», их десять. От них («в средине ложи», как сказано в описи) тянулись две лестницы к средним ложам. Их одиннадцать. Очевидно, генерал-губернаторская ложа находилась в центре зала. Она имела отдельный вход: «...при ней дверь на петлях с железным замком». В трех ложах (каких именно, не уточняется) висели «гарусные занавесы», «обложенные» «мишурными газами». В верхнюю ложу вела деревянная лестница с поручнями.

«Тесовый оркестр» отделяла от театрального зала «передняя занавеса». Составитель описи педантично заметил: «Оная занавеса с дырами». Музыканты занимали две деревянные лавки. Театр освещался множеством свечей: их вставляли в хрустальную люстру, шесть «ввертных» железных подсвечников на двух «музыкальных

---

34 Там же, оп. 2, ед. хр. 1575, л. 83, 84. (Дело о капитальном ремонте генерал-губернаторских домов в Ярославле и Вологде. Опись и оценка их имуществ. 31 июля 1788—20 декабря 1791 г.).

35 *Фехнер М. В.* Вологда. С. 102.

36 ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 583, л. 200 об.

столах» и два «хрустальных с подвесами», украшавших губернаторскую ложу. На кулисах — сорок «подсвечных трубок жестяных на деревянных кружках».[37]

Оформление сценической площадки подчинено принципам, традиционным для русского театра. Применялись кулисные декорации, состоящие из задника («задняя картина из фланского полотна»), боковых кулис и «расписанной» «опускной» «передней занавесы из фланского полотна». Судя по описи, в театре использовались декорации двух типов. Интерьерная — для комедий и драм — и пейзажная — для комических опер. Первая представлена «кулисами комнатными» (их 10), «воздухами комнатными» (их 5), «комнатной картиной», задней картиной со «створенными дверьми».[38] Остается догадываться, как из этих многочисленных элементов декорационного оформления возникло пространство дома г-на Журдена («Мещанин во дворянстве» П.-Б. Мольера) и богатого петербургского заводчика Полнодомова («Сибиряк» И. Я. Соколова), рождался интерьер «апартаментов» обедневшего испанского вельможи, в доме которого «нет ни ложки, ни плошки».[39]

Появление пейзажных декораций на русской сцене связывают с именем Джузеппе Валериани.[40] В описи они именуются «лесными кулисами». Их 10 — и не случайно. Напомним, что в комической опере «Розана и Любим» (ее представлением открылся сезон 1787 г.) «театр представляет луг, окруженный лесом»; в «Мельнике ‹...›» — «с одной стороны лес, вдали по холмам малые деревеньки ‹...› Напереди ж всего дерево»[41], а действие комической оперы Л. Ансома «Два охотника» происходит «в густом лесу».[42]

В документах имеются указания на материал, из которого делались декорации: фланское (очевидно, голландское) полотно и ревентух — полотно, употребляемое для изготовления парусов («кулисы ж сделаны новые на две декорации из оставшего[ся] от полов ревентуху)»[43] На «краски, мел и клей», затраченные при оформлении театра, израсходовано 13 рублей 34 копейки.[44] Живописные

---

37 См.: Там же, оп. 2, ед. хр. 1575, л. 83—84.

38 Там же. л. 83 об.

39 Гордость и бедность. Комедия в 5 д. г-на Гольберга. М., 1788. С. 7.

40 См. об этом: *Сыркина Ф. Я., Костина Е. М.* Русское театрально-декорационное искусство. М., 1878. С. 38—42.

41 Цит. по: Русская комедия и комическая опера XVIII века / Ред. текста и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1950. С. 175, 219.

42 Два охотника. Комическая опера в 1 д. г. Ансома. СПб., 1779. С. 3.

43 ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 583, л. 153.

44 Там же, л. 220.

работы в театре, очевидно, осуществлялись во второй половине 1786 г. Во всяком случае «Опись находящемуся в генерал-губернаторском доме мебели и пр. убору» (она может быть датирована январем 1786 г.) зафиксировала только «одну люстру хрустальную», «затворку и дверцы литые».[45] По-видимому, в это время еще ведутся переговоры с будущим художником-декоратором. 1 апреля 1786 г. Т. С. Иванов, главный надзиратель за строительством генерал-губернаторского дома, сообщает А. П. Мельгунову: «На прошедшей неделе от Зюзина живописца получил письмо, которым просит за расписку театра 70 руб. за одну работу».[46] Заметим, что такая же сумма была выплачена «живописцам за расписывание в зале и балдахина»,[47] деталь, дающая представление, пусть и весьма отдаленное, об объеме выполненных работ. Вологодский театр расписывал ярославец, живописец, рекомендованный Зюзиным. Полагаем, что это был Дмитрий Михайлович Коренев (1747—1810-е годы), «удивительный провинциальный портретист»,[48] чье искусство, благодаря реставраторам, совсем недавно возвращено в нашу культуру. Аргументируем свою гипотезу. В документах о строительстве генерал-губернаторского дома художник упоминается дважды: прямо («за портрет ее величества Кореневу — 150 руб.) и косвенно («в Ярославле ‹...› за портрет ее величества 150 р.»).[49] Скорее всего, речь идет об одном и том же портрете. Вторая запись взята из подробного (сводного) отчета о расходе денежных сумм. В вологодском доме А. П. Мельгунова находилось два портрета Екатерины II: в тронной, «в рамах золоченых, вокруг рам обито малиновым бархатом и обшит золотым галуном, балдахин золоченый» и в аудиенц-каморе.[50] Какой из них принадлежал кисти Д. М. Коренева, неясно. Судьба этого портрета неизвестна. Замечательно другое — новые архивные документы выявляют истинные масштабы творчества Коренева и новые грани его таланта. Известный до сих пор лишь как автор «большого числа портретов ярославских жителей разных сословий»,[51] он предстает художником, способным выполнять почетные официальные заказы за пределами родного города. Он не только портретист, но и декоратор.

---

45 Там же, л. 233.

46 Там же, л. 153.

47 Там же, л. 222.

48 *Федорова И., Ямщиков С.* Вступительная ст. // Ярославские портреты XVIII—XIX веков. М., 1986. С. 12.

49 ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 583, л. 217, 225 об.

50 Там же, л. 232, 232 об.

51 Ярославские портреты XVIII—XIX веков. № 15.

Любопытно и то, что в сознании председателя Вологодского губернского магистрата Т. С. Иванова Дм. Коренев существует как «Зюзина живописец». Ярославские документы возвращают нас к тому, чье имя, пусть и спрятанное в акростихах, дважды возникает в самых «ответственных» стихотворениях театрального цикла неизвестного вологжанина,[52] Александр Родионович Зюзин, надворный советник, председатель верхней расправы Ярославского наместничества,[53] и художник из купцов ... Почему эти имена оказались рядом? Коренев писал Зюзина: портрет находится в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике. Тогда, может быть, Зюзин рекомендовал Коренева для «росписи театра»? Но ведь в 1784 г. Коренев создал портретную галерею жертвователей, именитых людей города, на средства которых построен ярославский Дом призрения ближнего; наконец, он написал парадный портрет самого Мельгунова и, следовательно, был известен генерал-губернатору как художник. Любопытные штрихи к биографии А. Р. Зюзина обнаруживаем в деле «О постройке в г. Вологде губернаторского дома. 1 августа 1781—16 мая 1786 гг.». Осенью 1783 г. коллежский асессор Зюзин безуспешно пытался получить подряд на строительство губернаторского дома в Вологде. Ему было отказано от торгу: слишком большой показалась Мельгунову затребованная Зюзиным сумма.[54] Однако к строительству генерал-губернаторского дома в Вологде Зюзин не имел никакого отношения (имена подрядчиков в документах названы). Одно несомненно: участие Зюзина в создании вологодского театра не может быть сведено к простому посредничеству. Однако в чем конкретно оно заключается, остается загадкой.

Возникновение вологодского театра было связано с общими процессами активизации театральной жизни провинции: «в десятилетнее время и меньше ‹...› везде слышим театры построенные и строящиеся, на которых заведены довольно изрядные актеры».[55] Как и другие периферийные театры, вологодский начинался с представлений, приуроченных к торжествам: открытию Вологодского наместничества в 1780 г. («комедии», данные «в разные числа»)[56] или приезду назначенного на «новое трехлетье» генерал-губернатора

---

52 ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 3—4 об.

53 См. подробнее: *Лазарчук Р. М.* Из истории провинциального театра (театральная жизнь Вологды 1780-х гг.). С. 61—64.

54 ГАЯО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 1432, л. 13, 13 об., 14, 19.

55 Драмматический словарь. М., 1787. С. 3.

56 Исторические и топографические известия по древности о России: И частно о городе Вологде ‹...› собранные и сочиненные А. А. Засецким ‹...› М., 1782. С. 53.

(конец декабря 1786—первая половина января 1787 г.). Как все театры в губернских городах, вологодский был учрежден «сверху»: он создавался по инициативе наместника. Горячий поклонник театрального искусства, просветитель и меценат, А. П. Мельгунов,[57] конечно же, причастен к самой идее совместных спектаклей двух театров, объединивших на вологодской сцене актеров разных сословий. Среди них — его 16-летняя дочь, Е. А. Мельгунова; в «Дезертере» Седена она, несомненно, играла Луизу, любящую и самоотверженную, и играла тонко, прекрасно ... Не случайно ее «заметил» и «выделил» неизвестный рецензент:

А все украсила Екатерина ты,
Являя нежности и должны красоты.[58]

Вологодское общество начинания генерал-губернатора поддержало: нашлись таланты, объявились граждане, готовые для пользы и процветания Вологды пожертвовать деньги на строительство театрального здания.

По-видимому, театральные представления в Вологде продолжались и после отъезда Мельгунова. Из документов видно, что в июне 1787 г. «на театре» в доме наместника «по два дни представлена была комедия». Протест Иванова («я более без дозволения Вашего превосходительства допустить не могу»)[59] побудил вологодского губернатора Мезенцева обратиться к Мельгунову за официальным разрешением. Летом 1787 г. в Вологде был открыт публичный театр. Дата эта должна быть включена в летопись русского театра XVIII в. Утверждая так, мы, естественно, не можем не сознавать недостаточность приводимых нами доказательств. Ведь никакими данными о репертуаре, актерах, постановках в конце 1780—начале 1790-х гг. мы не располагаем. Что если театральные представления летом 1787 г. не имели продолжения и речь должна идти не о факте, а всего лишь о намерении?.. Попытки обследовать с этой точки зрения официальные документы, рапорты генерал-губернаторов императрице за 1787—1791 гг. в частности, оказались безрезультатными. Здесь сообщалось о «событиях чрезвычайных, важных и примечания достойных» (пожары, наводнение, град, открытие ярослав-

---

57 См. об этом чрезвычайно интересную книгу: *Ермолин Е. А., Севастьянова А. А.* Воспламененные к отечеству любовью: (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). Ярославль, 1990. С. 7—67.

58 ГПБ, ф. 487, ед. хр. 464, л. 6.

59 ГАЯО, ф. 72, оп. 2, ед. хр. 1382, л. 3.

ского Дома призрения).[60] Очевидно, открытие театра к таковым не относилось. Заметим, что в донесениях вологодского генерал-губернатора А. П. Мельгунова за январь 1787 г. информации о театральных представлениях по случаю его назначения генерал-губернатором на новый срок нет.[61] А ведь они были ...

Не имея прямых доказательств, мы принуждены обратиться к косвенным. П. И. Челищев, посетивший Вологду в ноябре 1791 г., оставил важное свидетельство: «‹...› от Приказа общественного призрения строится большой дом для дворянства, несчастно рожденных и для лазарета; отделывается каменный театр».[62] Стало быть, «благородное общество» собрало «довольную сумму» и осуществило свои планы. И еще — если строится помещение для театра, значит живет и сам театр. Его местонахождение известно. Он располагался в здании бывшего Главного народного училища, открытого в 1786 г. и в 1804 г. преобразованного в гимназию (теперь политехнический институт). По документам 1791—1793 гг. принадлежащий Приказу общественного призрения «страннопримный и училищный» дом («каменный по плану») числился как «еще не совсем сооруженный»,[63] но театр при нем «отделывался» уже в ноябре 1791 г. Со строительством театра спешили ... Создателем «училищного» дома считают Петра Бортникова (он был в эти годы вологодским губернским архитектором).[64] Однако никакими документальными сведениями об авторе проекта и времени его создания мы пока не располагаем.

«Училищный» дом, двухэтажный, каменный, «с мезонином на одном углу», находился «на парадной площади», в «I части города». Это «крайне прочно и хорошо построенное» здание, одно из крупнейших в губернской Вологде конца XVIII в., имело длину «по лицу к площади» 31.5 сажен (67м), «в завороте в улицу Петровку» — 29 сажен, 2.5 аршина (≈ 63 м); ширину «к площади 7 сажен 1 аршин и 8 вершков» (16 м), «от Петровки 4 сажени, 1 аршин, 8 вершков» (9.6 м). Дом высотою 14 аршин (≈ 10 м) был «по-

---

60 ЦГАДА, ф. 16, р. XVI, ед. хр. 1014.

61 Там же, ед. хр. 1012, ч. 2.

62 Путешествие по Северу России в 1791 г.: Дневник П. И. Челищева / Изд. под наблюдением Л. Н. Майкова. СПб., 1886. С. 213. Впервые, как кажется, эта мысль была высказана краеведом И. А. Тюриным — См.: *Тюрин И. А.* Третий период истории г. Вологды. Со второго десятилетия XVIII в. до 60-х гг. XIX в. (ГАВО, ф. 652, оп. 1, ед. хр. 34, л. 18); см. об этом также: *Фехнер М. В.* Вологда. С. 126; *Соколов В.* Вологда: История строительства и благоустройства города [Архангельск], 1977. С. 60, 74.

63 ГАВО, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 401, л. 7 об.

64 *Фехнер М. В.* Вологда. С. 126; Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск. С. 98.

крыт деревянною кровлею с 3 фронтонами и 13 слуховыми окнами, с балюстратом; в фронтонах и слуховых окнах 16 окончин».[65]

Театр размещался в «большой зале» второго этажа. Места для зрителей различались по степени удобства, а значит и цене: «кресла с номерами», «скамейки» с «номерами» и без «номеров».[66] По свидетельству Н. П. Титова, театр был «устроен ‹...› очень удобно ‹...› можно сказать, даже с некоторой роскошью,»[67] давно и навсегда утраченной. Описания театра не сохранилось. Единственная деталь его оформления, упоминаемая в документах,— «накатный» потолок («‹...› на театральной зале сделать весь новый накат ‹...› по назначению архитектора»),[68] и потому интерьер вологодского театра невозможно представить даже мысленно.

Училище (позднее гимназия) и театр находились рядом, в одном здании. Соседство отнюдь не случайное. В подобном объединении двух центров просвещения несомненно проявилась общая тенденция времени. Собственный театр при учебных заведениях уже норма для столицы[69] и все еще редкость в провинции,[70] но значение театра в воспитании юношества осознают и здесь. Именно заботой о распространении просвещения среди «обучающихся в общенародных школах» продиктовано решение архангельского Приказа общественного призрения учредить в «сем городе», «на площади», «небольшой театр».[71]

Как долго просуществовал публичный театр, созданный в 1787 г.? Трудно сказать. Единственный факт, по которому можно судить о театральной Вологде начала XIX в.,— гастроли актера «российского придворного театра г-на Петрова». 26 сентября 1809 г. «на благородном театре» в «училище» он выступил в роли всех действующих лиц комедии А. И. Клушина «Алхимист, или

---

65 ГАВО, ф. 438, оп. 3, ед. хр. 510, л. 7 об., 8, 9.

66 См. об этом: Театральная афиша 1809 г. // Вологодский иллюстрированный календарь. 1894. Вологда 1894. С. 62.

67 *Китов Н.* Заметки о бывших в Вологде театрах. С. 386.

68 ГАВО, ф. 438, оп. 3, ед. хр. 510, л. 35, 57 об.

69 О театрах и учебных заведениях Петербурга и Москвы см.: История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. С. 275—277.

70 О театре при дворянском училище в Твери см.: *Рак В. Д.* Переводчик В. А. Приклонский: (материалы к истории Тверского «культурного гнезда» в 1770—1780-е годы) // Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII—начало XIX в. (XVIII век. Сб. 13). Л., 1981. С. 259.

71 *Попкова А. Н.* Государственный архив Архангельской области // Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР: Обзоры документов. XVII век—1917 г. / Ред.-сост. И. Ф. Петровская. М., 1966. С. 186—187.

Один за семерых».[72] Но, кажется, печальной участи некоторых провинциальных театров [73] вологодский все-таки избежал. Известно, что в 1816 (или 1817) г. «по распоряжению гражданского губернатора И. И. Винтера» был открыт, точнее, «возобновлен» (с начала XIX в. «театры в Вологде почти не прекращались»), «постоянный театр». Эта информация заслуживает безусловного доверия: она принадлежит Николаю Петровичу Титову, вологжанину, родившемуся в 1802 г. и сохранившему в своей памяти факты, подробности, имена ... Содержателем «небольшой» труппы был «некто Петров». Помимо профессиональных актеров «к участию» приглашались «желающие из служащих и других лиц». «Охотников» явилось много. Среди актеров-любителей «довольно отличались г. Крылов и Журавлев». «Пьесы исполнялись весьма старательно», «удачно». «Особенно эффектно» была поставлена в бенефис одного актера пьеса А. Шаховского «Казак-стихотворец». «Чрезвычайно привязанная» к своему театру вологодская публика «поддерживала его всеми средствами».[74]

Почти четверть века вологодский театр располагался в «училищном доме». Но гимназия росла. Театр и «дворянское танцевальное собрание»[75]становились для нее обременительными. Судя по документам ЦГИА, уже к сентябрю 1819 г. театр был «выведен» из дома, принадлежащего Приказу общественного призрения, а «зала, в которой он находился, отдана для училищного же помещения».[76] Но и спустя несколько лет (по крайней мере, в январе 1822 г.) в одном из амбаров этого дома еще «хранились театральные вещи».[77] Для вологодского театра наступили тяжелые времена. Неустроенность, скитания ... И все же некоторые из его адресов в 1820—1830-е гг. известны: они сообщены Н. Титовым.[78]

Опубликованный почти 150 лет назад в местной печати великолепный очерк истории вологодского театра 1780—1820-х гг., напи-

---

72 Вологодский иллюстрированный календарь. 1894. С. 62. В афише, «написанной на полулисте бумаги чернилами», автором комедии ошибочно назван «г-н Эмин».

73 Например, архангельского. Задуманный и устраиваемый широко, с размахом, он просуществовал всего несколько лет. По предложению казенной палаты деревянный театр должен был «использоваться» «под гауптвахту и темницу»; каменный (еще не достроенный) рекомендовалось «переделать» в «запасной хлебный магазин». См.: Попкова А. Н. Государственный архив Архангельской области. С. 187.

74 *Т<итов>* Н. Заметки о бывших в Вологде театрах. С. 385, 386.

75 См. об этом: ЦГИА, ф. 1263, оп. 1. ед. хр. 176, л. 225.

76 Там же, л. 227.

77 ГАВО, ф. 438, оп. 3, ед. хр. 510, л. 46.

78 *Т<итов>* Н. Заметки о бывших в Вологде театрах. С. 386.

санный Н. П. Титовым, теперь забыт. О том, что в Вологде конца XVIII—1 четверти XIX в. был театр, бегло упоминается лишь в двух-трех монографиях об архитектуре города.[79] В новейших литературно-краеведческих очерках утверждается противоположное: «Театра в Вологде нет. Изредка наезжающие столичные труппы могут предложить лицезрению избранной публики мелодраму „Тереза, женевская сирота“ или водевиль „Не влюбляйся без памяти“».[80] Но театр в Вологде был, и в репертуаре его — «Недоросль» Фонвизина, «Хвастун» и «Сбитенщик» Княжнина, «Мельник — колдун, обманщик и сват» Аблесимова, «Модная лавка» Крылова.[81]

Тусклой и бессодержательной нередко представляется современному вологжанину жизнь его родного города два столетия назад. Бытие его рядовых обитателей, а «приказных чинов» в особенности, рисуется только серыми и черными красками. Будем благодарны времени и счастливым обстоятельствам, сохранившим следы истинного культурного облика вологжанина конца XVIII в.

---

79 *Фехнер М. В.* Вологда. С. 126; Соколов В. Вологда: История строительства и благоустройства города. С. 60, 74.

80 *Кошелев В.* Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. Архангельск, 1985. С. 4.

81 *Титов Н.* Заметки о бывших в Вологде театрах. С. 386.